О культурных предпосылках ‘итальянского’ правового дискурса Сергея Ивановича Зарудного

Лиана Голетиани

Введение

В некоторые периоды развития правовой культуры Российской империи важнейшее значение приобретает уровень переводческой и дискурсивной компетенции политической и административной элиты страны. Так, знание европейских языков помогло ей начать преобразования в XIX веке, сначала – в эпоху Сперанского, а затем – в период реформ Александра II. Юридический перевод имел в этот век для модернизации империи не меньшее значение, чем технический – в петровскую эпоху, так как способствовал широкому трансферу достижений юриспруденции Западной Европы.

Что касается переводов с итальянского, то о них известно пока крайне мало: прямые контакты между русской и итальянской правовыми культурами остались в тени того влияния, которое оказали на Россию французское и германское право, через которые, главным образом, происходила рецепция римского права (Ajani 2008, Avenarius 2016, Minale 2010). Исключение представляет *О преступлениях и наказаниях* Чезаре Беккарии, анализу русских переводов которой посвящена монография Этторе Гербеццы (Gherbezza 2007). Среди переводчиков Беккарии был и Сергей Иванович Зарудный, статс-секретарь Государственного совета, активный участник подготовки крестьянской реформы и один из ‘отцов’ судебной реформы 1864 года. Если административная карьера Зарудного и его в вклад в проведение буржуазных реформ уже описаны (Джаншиев 1889, Джаншиев 2008, Кони 1914, Уортман 2004), то его переводческое наследие почти не исследовано. Предлагаемая статья ставит целью привлечь внимание к этому материалу, вызывающему большой интерес и с точки зрения культурологии, так как правовой дискурс реформатора Зарудного отражает некоторые типичные черты в противоречивой истории модернизации правовой культуры империи (Загорнов 2009, Медушевский 2011, Baberowski 1996, Luchterhandt 2011).

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)
FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)
Liana Goletiani, *О культурных предпосылках ‘итальянского’ правового дискурса Сергея Ивановича Зарудного*, pp. 261-272, © 2019 Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/978-88-6453-910-2.29

Сергей Зарудный как проводник итальянской правовой культуры в России

Вклад Зарудного в изучение итальянского права в России далеко не ограничивается переводом и комментарием шедевра Беккарии. В 1858 г. Зарудный был командирован в Европу для изучения различных систем судоустройства и судопроизводства. Во время поездки по Италии он заинтересовался законами Сардинии и Пьемонта. Вернувшись в Петербург, Зарудный представил их обзор в Государственный совет, и на протяжении двадцати лет возвращался к изучению, переводу и популяризации законов и правоприменительной практики Италии в ряде публикаций: *Италия. Законы и постановления. Закон 23 октября 1859 г. о провинциальном и общинном устройстве Пьемонта и присоединенных к нему провинций Италии: Перевод с итальянского* (1861), *Справка из гражданского уложения Итальянского Королевства о постановлениях о наследстве по закону и по завещанию в сравнении с русскими законами: С приложением перевода соответствующих статей уложения 25 июня 1865 г.* (1868), *Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы: Опыт сравнительного изучения системы законодательств* (1869), *Торговое уложение Итальянского королевства и русские торговые законы: Опыт сравнительного изучения системы законодательств* (1870) (Джаншиев 2008: 251-252). Кроме того, в разных томах *Дела о преобразовании судебной части в России* имеются следующие его работы: *Извлечение из доклада сардинского министра юстиции о преобразованиях гражданского судопроизводства в Италии в 1859 г.*, *О реформе судопроизводства в Италии в 1862*, а также переводы уставов гражданского суда Пьемонта 1854 г., Венгрии 1852 г. и законов судоустройства Пьемонта 1859 г. (библ. ссылки см. в Джаншиев 2008: 248).

Это внимание Зарудного к итальянскому праву в период подготовки и проведения реформ, обусловленное очевидными причинами модернизационно-правового порядка, вызывает интерес и с позиций антропологической культурологии, занимающейся в том числе анализом факторов, формирующих историческую личность, способную к реформаторскому дискурсу и к активному заимствованию достижений чужой культуры:

> Трансформировать идентичность, переходить в другое культурное пространство может человек большого общества, включенный в мир города и письменной культуры (Яковенко 2015).

Предлагаемая статья рассмотрит предпосылки этой деятельности Зарудного, связанные с его родовой памятью, социальным положением, образованием, образом жизни и эстетическими увлечениями семьи. Но сначала представляется уместным остановиться на его этнокультурном происхождении.

Украинское происхождение Зарудного как предпосылка реформаторской деятельности

Давая характеристику членам Комиссии по разработке и введению в действие новых Судебных Уставов, Джаншиев называет Буцковского "новообращенным либералом", а Зарудного - "либералом *pur sang*" (Джаншиев 2008: 9), часто подчеркивая его украинское происхождение: "живой, пылкий, впечатлительный хохол" (Джаншиев 2008: 236), "блестящий, образованный молодой запорожец" (Джаншиев 1889: 6), "Он происходил из старого украинского обедневшего дворянского рода" (Джаншиев 2008: 236).

Уортман, блестяще используя синтез исследовательских приемов, при определении роли Зарудного в проведении реформ также уделяет большое значение становлению его личности. Тем не менее, в своем дифференцированном анализе социокультурных условий появления в России нового типа юристов-реформаторов Уортман не уделяет отдельного внимания этно-культурному происхождению Зарудного. В какой-то мере это можно объяснить тем, что для западных историков культурная история Украины долгое время оставалась 'белым пятном' и воспринималась лишь в имперской проекции (Schlögel 2015), хотя в славистике на особую реформаторскую роль выходцев из Украины – еще в петровскую эпоху – указывалось уже в начале прошлого века:

> als Moskau die ersten Schritte zur Einführung der Zivilisation unternahm, fast sämtliche Pioniere der Kultur — Theologen, Lehrer und Staatsmänner — gebürtige Ukrainer waren. Peter I. hätte das reformatorische Werk nicht durchführen können, wären nicht ukrainische Gelehrte ihm dabei behilflich gewesen (Jensen 1916: 16).

Этот процесс продолжился и после правления Петра I и был обусловлен положением Украины, игравшей на протяжении столетий роль 'перекрестка культур':

> From the time of the peace of Andrusovo in 1667 until the final act of Vienna in 1815, Russia acquired numerous non-Russian regions that were all culturally more advanced than itself […] Russia received stimuli from all of these regions, which step by step led the empire to become increasingly more civilized and European (Rothe 2005: 17).

У целого ряда деятелей, определявших государственный и научно-просветительский дискурс империи в переломные периоды (таких как Прокопович, Кочубей, Безбородько, Каченовский, Костомаров и мн. др.), были украинские культурные корни, и Зарудный, несомненно, стоит в этом ряду. Именно в этнокультурном происхождении следует искать истоки его будущей социально-политической активности, ориентированной на

реформирование российской действительности и трансфер европейских культурных ценностей.

Из казацкой старшины – в модернизаторы империи

Род Зарудных принадлежал к самым известным в казацкой старшине. Предок Самойло Зарудный (родство не подтверждено документально) занимал важнейшую должность генерального судьи Войска Запорожского, был сподвижником Богдана Хмельницкого, выполнял дипломатические миссии во внешнеполитических отношениях с Турцией, Польшей и Москвой и был нобилитирован в эпоху гетмана Выговского. Другой предок, Федор Зарудный, переселился на Левобережье в период его массового заселения казаками, искавшими свободы от польского натиска на Правобережье. Его сын, Григорий Федорович Зарудный, уже с 1690 г. занимал пост Миргородского полкового судьи, пользовался доверием гетмана Мазепы и Петра I и увеличил благосостояние рода.

После Переяславской Рады 1654 года Украина продолжала еще пользоваться "известной автономией, т.е. имела особое управление, войско, суд, налоговую систему, таможенные границы и т.д." (Ерошкин 2008: 76). Чтобы понять, какие представления о началах социального устройства формировались в роду Зарудных из поколения в поколение, нужно вспомнить, что представляло собой полковое деление Украины:

> Украина делилась на 17 'полков' […]. На каждой территории 'полка' размещался казачий полк во главе с выборным или назначенным гетманом полковым [= полковником, Л.Г.], который управлял населением 'полка' с помощью полковой казачьей старшины (писаря, обозного, есаула, хорунжего). Полк делился на сотни. Во главе сотни стоял сотник, избираемый населением сотни или назначаемый гетманом. […] Вся казачья администрация Украины избиралась из представителей казачьей старшины и реестрового казачества (Ерошкин 2008: 76-77).

В XVIII веке предки Зарудного служили в Слободско-украинских полках на разных должностях и вступали в родственные связи с другими влиятельными родами казацкой старшины. Их жизнь протекает на фоне важнейших исторических процессов, лишивших Украину исторической перспективы к концу века. Петровское наступление на политическую автономию Украины было продолжено в правление Екатерины II-ой: в 1764 году было ликвидировано гетманство, в 1765 году из слободских полков была сформирована Слободско-Украинская губерния с центром в Харькове, а старшина получила офицерские чины согласно табели о рангах Российской империи. В 70-80 гг. ликвидируется Запорожская Сечь, закрываются генеральные канцелярия и суд, и на эти территории распространяется крепостное право. За-

бегая вперед, отметим, что уже через 80 лет после этого Зарудный станет одним из самых горячих сторонников как отмены крепостничества, так и либерализации суда.

Важнейшими социальными факторами, предрешившими закат некогда широкой автономии Украины, историки считают:

> невиробленість єдиної політичної лінії верхів, соціальні тертя між старшиною і низами, схильність городян до колабораціонізму з царським урядом, врешті – елементарна відсутність юридично унормованих засад внутрішнього устрою, який спирався на *права і вольності звичні*, але ніколи не був врегульований законодавчо (Яковенко 1997: 346).

Необходимо помнить и о том, что Слободская Украина была наиболее тесно связана с Россией благодаря пограничным экономическим связям и размещению регулярных рот (Смолій 2006: 14), а у ее элиты не только не было единства и четких политических приоритетов, но была чрезвычайно развита клановость и стремление к уравнению в привилегиях с российским дворянством (Смолій 2006: 647- 667).

Проследим, как эти процессы коснулись ближайших предков Зарудного. Прадед Елисей Иванович (внук миргородского полкового судьи Григория Федоровича) был сотником Изюмского полка. Дед Андрей Елисеевич вышел в отставку в звании подпоручика, а отец Иван Андреевич - в звании поручика (Модзалевский 1910: 128). В 1815 г. поженились родители Зарудного - Иван Андреевич Зарудный и Варвара Михайловна Куликовская[1]. Прадед Варвары Михайловны, Прокопий Васильевич Куликовский, и дед, Матвей Прокопьевич Куликовский, были полковниками Харьковского слободского полка. Отец Варвары Михайловны, полковник Михаил Матвеевич Куликовский, избирался предводителем Валковского дворянства. Важный штрих к семейной истории Зарудных мы находим в эпоху Екатерины II. Когда в 1767 году была созвана Комиссия для составления нового Уложения, то представителями от Слободской губернии были избраны сразу два прямых предка Зарудного: от бывшего Изюмского полка – дед по линии отца, Андрей Елисеевич Зарудный, подтвердивший потомственное дворянство и получивший чин подпоручика, а от бывшего Харьковского полка – прадед по линии матери, полковник Матвей Прокопьевич Куликовский, избранный также Предводителем губернского дворянства. Это говорит, конечно, не только об их авторитете в среде местной элиты[2], но и о семейной тради-

---

[1] Джаншиев ошибочно указывает фамилию матери С.И. Зарудного как Куликова (Джаншиев 2008: 236).

[2] Вместе с тем, в Альбовский (1895: 196 и сл.) рассказывается о длительном следствии по доносу на полковника Матвея Куликовского, сделанному в 1761 году писарем Непышным, обвинившим Куликовского в многочисленных нарушениях служебных обязанностей. В этом и других делах из жизни близких к Зарудным родов проявился феномен ‘малороссийского сутяжничества’, ярко изображенный

ции служить делу законостроительства, откликаться на мобилизационные вызовы государства.

Несмотря на то, что к началу XIX века с остатками самоуправления было покончено, культурная память о самоуправлении, выборности, автономии полков, их специфической административно-судебной системе и о противлении свободного казачества засилью русских чиновников осталась в представлениях слобожан о началах общественного устройства, так как процесс их исчезновения с социальной и политической арены был достаточно долгим (Альбовский 1895: 111, 131; Смолій 2006: 14, 688).

В семье, где 17 марта 1821 г. родился С.И. Зарудный, кроме него было еще четыре сына (Михаил, Николай, Виктор и Митрофан) и четыре дочери (Пелагея, Александра, Мария и Евдокия). Уортман (2004: 386) сообщает о них следующие сведения:

> Его отцу досталось немногое из когда-то обширных поместий, а сын лишился собственного наследства несколько лет спустя после поступления на службу. Зарудные традиционно избирали военную службу, и Сергея прочили в моряки.

Не попав в кадетский корпус из-за ошибки в метрическом свидетельстве, Зарудный самостоятельно подготовился к поступлению на философский факультет Харьковского Императорского университета (Джаншиев 2008: 236). Весь период образования в Харькове занял около восьми лет – с 1835 по 1842. В студенческих списках тех лет о Зарудном сообщается, что он находился на собственном содержании. Джаншиев (2008: 236) и Вернадская (2012: 89) свидетельствуют о несчастьях и сильной материальной нужде Зарудных в этот период. Напомним, что Уортман в своем исследовании уделяет большое значение социально-имущественному статусу молодых бюрократов, нацеленных на буржуазные реформы. Многие из них, как и Зарудный, были беспоместными дворянами.

Образование как предпосылка к будущей переводческой деятельности

Семейными традициями объясняются и другие характерные для Зарудного и его потомков черты – интерес к искусству, самообразованию, европейской культуре[3] и исследовательской деятельности. Все авторы отмечают

в произведениях Капниста, Нарежного и Гоголя (см. об этом, напр., в Rothe 2005: 19). Будущий юрист Зарудный не мог не знать об этих тяжбах.

[3] Уже в Петербурге семья Зарудного породнится с семьей обрусевших венецианцев Кавосов, оставивших важный ‘итальянский’ след в русской культуре.

Брат Сергея Ивановича, юрист Митрофан Иванович Зарудный женится на Софье Кавос, дочери Альберто Кавоса, знаменитого архитектора Мариинского

высокий уровень культуры в роду Зарудных, "представители коего, не чуждые французской литературе и эстетическим интересам, платили дань рационализму и вольнодумству XVIII века" (Джаншиев 2008: 236). Получив степень кандидата, Зарудный отправился в Петербург и пополнил ряды чиновников, имевших университетское образование. Из 17 столоначальников Министерства юстиции в 1849 г. "тринадцать окончили университет (пятеро со степенью кандидата)[4]; четверо были выпускниками Училища правоведения, еще один – лицея" (Уортман 2004: 162). Профессор Петербургского университета Никитенко, считавший Зарудного одним из лучших знатоков законодательства и судопроизводства и часто писавший о нем на страницах своего дневника (Никитенко 2005), считал, что именно университетское образование возбудило в Зарудном и его единомышленниках стремление к самоусовершенствованию и зародило в них идеи о преобразовании общества.

Из многочисленных свидетельств о деятельности Зарудного в Петербурге следует, что он был чуть ли не единственным из молодых реформаторов, кто знал итальянский язык. Именно к нему обращались за переводом и разъяснением итальянских источников коллеги по Комиссии, напр., К.П. Победоносцев, окончивший училище Правоведения и не знавший итальянского языка (Нольде 2016). К сожалению, не сохранились прямые сведения о том, при каких обстоятельствах Зарудный выучил итальянский, поэтому ниже будет кратко реконструировано положение с языковым образованием в Харькове в первой половине XIX века.

В годы учебы Зарудного Харьковский университет интенсивно развивался, унаследовав богатые традиции Харьковского православного коллегиума. В Любжин 2008 и Посохова 2016 показано, что до открытия университета Харьковский коллегиум играл главную роль в трансфере знаний и культурных практик Европы в Слободскую Украину.

Документы по истории Коллегиума позволяют получить представление о том, какими возможностями располагали слобожане в области обучения языкам. Согласно Любжин (2008: 246) "латинскому языку обучали прежде прочих, за исключением, конечно, русского, который создавал дополнительные трудности для коллегиумистов", для которых родным был украинский. В расписании Коллегиума мы видим латинскую и русскую грамматику, латинскую и русскую поэтику и риторику, а также новые языки – французский, немецкий и итальянский. Их преподавали иностранцы в дополнительных классах, открытых для детей дворян в 1768 году. Любжин (2008: 248) приводит любопытный факт:

театра. А дочь Сергея Ивановича, художница Екатерина Сергеевна Зарудная, выйдет замуж за издателя Евгения Цезаревича Кавоса, сына архитектора Цезаря Альбертовича Кавоса. Об этих известных в мире искусства семьях см. Бенуа 1980.

4 Зарудный был одним из них, и Уортман (2004: 141) называет его "самым выдающимся".

> Когда главнокомандующий Второй армией граф П.И.Панин в 1770 году был проездом в Харькове, ученики коллегиума говорили в его честь на немецком, французском и итальянском языках, причем выбирались для этой цели такие коллегиумисты, которые могли и отвечать что-то графу с достойным произношением.

Важное место отводилось переводу. Любжин (2008: 262) цитирует преподавателя французского языка Якова Васильевича Толмачева, будущего профессора словесности Петербургского университета: “Переводить с одного языка на другой для ученика весьма полезно. Великие мужи образовали себя сим родом упражнения; и это есть единственная цель знания языков”.

Открытие Харьковского университета дало новый импульс культурной жизни региона. В городе появилось много учебно-воспитательных учреждений: Институт благородных девиц, губернская гимназия, уездное училице, частные пансионы. Бурно развивались пресса, книгоиздательство, театр и литература. В этот период полтавско-харьковская школа заложила основы украинского литературного языка, и гуманитарные дисциплины университета процветали (Brogi, Pachlovska 2015: 26)[5]. Уже в Харькове Зарудный “благодаря знанию нескольких иностранных языков (французского, английского, немецкого, итальянского) близко ознакомился и с иностранными литературами [...]” (Джаншиев 2008: 236)[6].

Конкурируя с французским и немецким влиянием, Италия была представлена в культурном пространстве Украины не только искусством, но и активными экономическими контактами (Варварцев 2000). В этот период итальянский язык в Харькове преподавал Джузеппе Феррарини, один из основателей коммерческой газеты “Messager de la Russie Meridionale” в Одессе (Морошану-Демьянова, Никитина 2016). Можно предположить, что и в Харькове Феррарини занимался со студентами переводом деловых текстов, и, значит, у Зарудного уже тогда была возможность познакомиться с торговым правом Италии, переводу и изучению которого он посвятит так много сил уже в Петербурге.

Наконец, заслуживает внимания то обстоятельство, что среди открывателей Харьковского университета был правовед И.Ф. Тимковский, выпускник Переяславского лицея, Киевской академии и юридического факультета Московского университета. Тимковский был автором первого в России *Систематического расположения законов российских* и до приезда в Харьков преподавал правоведение в Петербурге (Лиман 2015). Но именно в харьковский период он заложил основы исторического изучения отечественного права в сравнении с европейским – метод, которому впоследствии следовал Зарудный, и который сыграл важную роль в циркуляции европейских пра-

---

[5] Просветительский перевод из европейских языков был представлен, напр., в деятельности ректора университета Гулака-Артемовского, знавшего латынь, французский и польский.

[6] Все это принесет потом свои плоды в Петербурге: доклады, правовые комментарии и аналитические записки Зарудного отличались выразительностью, точностью, ясностью и логичностью изложения (Уортман 2004: 318).

вовых моделей в период реформ. Вполне возможно, что эта работа Тимковского попала в поле зрения Зарудного еще в годы обучения.

Выводы и направление дальнейших исследований

Рассмотренный материал показывает, что происхождение, родовая память, образование и семейные традиции в большой мере способствовали становлению личности реформатора Зарудного, подготовили его к критическому восприятию российской и усвоению и дальнейшему распространению европейской правовой культуры, в частности, итальянской. Типические черты либерально мыслящего и просвещенного бюрократа Зарудного ярко проявятся в его правовом метадискурсе (Голетиани 2018) и переводческой деятельности, которые должны стать предметом будущих междисциплинарных исследований.

Среди наиболее интересных вопросов для дальнейшего изучения исследовательского и переводческого наследия Зарудного уже сейчас можно назвать следующие: относительно контакта с итальянским юридическим языком – переводческие приемы Зарудного для передачи правовых терминов на русский язык, а относительно обострившейся вследствие реформ поляризации российского общества – его дискурс, направленный на преодоление тормозящих усилий противников реформ, и металингвистические стратегии по минимизации инвазивного эффекта, вызываемого интенсивным трансфером экзогенных правовых понятий. Деятельность и судьбы других членов выдающейся семьи Зарудных также заслуживает внимания историков, юристов и культурологов.

Библиография

Альбовский 1895: Е. Альбовский, *История Харьковского Слободского казачьего полка (1681-1765)*, Типография Губернского Правления, Харьков 1895.

Вернадская 2012: Н.Е. Вернадская, *Записки Н. Е. Вернадской*, в: В.П. Волков (отв. ред.), *К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского. Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского*, Вып. 21, НИА Природа, Москва 2012, с. 87-104

Голетиани 2018: Л. Голетиани, *Правовая культура России в эпоху Великих реформ: к изучению правового метадискурса С.И. Зарудного*, в: M. Henzelmann (Hrsg.), *Linguistik als diskursive Schnittstelle zwischen Recht, Politik und*

Konflikt, Verlag Dr. Kovač, Hamburg 2018 (= Studien zur Slavistik, Band 42), с. 35-54.

Джаншиев 1889: Г.А. Джаншиев, *С.И. Зарудный и судебная реформа: Историко-биографический эскиз*, Типография Е. Гербек, Москва 1889.

Джаншиев 2008: Г.А. Джаншиев, *Эпоха великих реформ. Исторические справки в двух томах,* II, Изд. Дом Территория будущего, Москва 2008.

Ерошкин 2008: Н.П. Ерошкин, *История государственных учреждений дореволюционной России*, РГГУ, Москва 2008.

Загорнов 2009: А.А. Загорнов, *Судебная реформа 1864 г. и капиталистическая модернизация Российской империи*, в: У.К. Коршук і інш. (адк. рэд.), *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб.*, Вып. 4, БДУ, Мінск 2009, с. 235-241.

Кони 1914: А.Ф. Кони, *Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов 1964-1914)*, Тов. И.Д. Сытина, Москва 1914.

Лиман 2015: С.И. Лиман, *История средних веков в творчестве профессора Императорского харьковского университета И. Ф. Тимковского (1773–1853),* “Вісник ХНУ”, Серія: Історія, 2015, 50, с. 170-178.

Любжин 2008: А.И. Любжин, *Харьковский коллегиум в XVIII – начале XIX в*, “Вопросы образования”, 2008, 3, с. 240-263.

Медушевский 2011: А.Н. Медушевский, *Великая реформа и модернизация России*, “Российская история”, 2011, 1, с. 3-27.

Модзалевский 1910: В.Л. Модзалевский, *Малороссийский родословник,* Том второй Е – К, Типография т-ва Г.Л.Фронцкевич и К., Киев 1910.

Морошану-Демьянова, Никитина 2016: Л.И. Морошану-Демьянова, И.В. Никитина, *Первая одесская газета «Messager de la Russie Meridionale» («Вестник южной России»)*, “Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету”, Сер.: Філологія, 2016, 1 (21), с. 160-162.

Никитенко 2005: А.В. Никитенко, *Записки и дневник*, III, Захаров, Москва 2005.

Нольде 2016: А.Э. Нольде, *Победоносцев и судебная реформа*, в: О.А. Платонов (отв. ред.), *К. П. Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах*, Институт русской цивилизации, Москва 2016, с. 365-406.

Посохова 2016: Л.Ю. Посохова, *Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII - начало XIX в.)*, РОССПЭН, Москва 2016.

Смолій 2006: В.А. Смолій (відп. ред.), *Історія українського козацтва: Нариси у 2 томах*, I, Вид. дім Києво-Могилянська академія, Київ 2006.

Уортман 2004: Р.С. Уортман, *Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России*, авторизов. перевод с английского М.Л. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова, НЛО, Москва 2004.

Яковенко 1997: Н. Яковенко, *Нарис історії України з найнадавніших часів до кінця XVIII ст.*, Генеза, Київ 1997.

Яковенко 2015: И. Яковенко, *Насилие и ненасилие в истории украинского народа*, “Нева”, 2015, 4, <http://magazines.russ.ru/neva/2015/4/12ya.html> (ultimo accesso: 28.02.17).

Ajani 2008: G. Ajani, *Il modello post-socialista*, Giappichelli editore, Torino 2008.

Avenarius 2014: M. Avenarius, *Fremde Traditionen des römischen Rechts: Einfluß, Wahrnehmung und Argument des «rimskoe pravo» im russischen Zarenreich des 19. Jahrhunderts*, Wallstein Verlag, Göttingen 2014.

Baberowski 1996: J. Baberowski, *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich, 1864-1914*, V. Klostermann, Frankfurt am Main 1996.

Brogi, Pachlovska 2015: G. Brogi, O. Pachlovska, *Taras Ševčenko: dalle carceri zariste al Pantheon ucraino*, Le Monnier Università, Milano 2015.

Gherbezza 2007: E. Gherbezza, *Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Ščerbatov*, Firenze University Press, Firenze 2007.

Jensen 1916: A.A. Jensen, *Taras Schewtschenko: Ein ukrainisches Dichterleben. Literarische Studie*, Verlag Adolf Holzhausen, Wien 1916.

Luchterhandt 2011: O. Luchterhandt (Hrsg.), *Rechtskultur in Russland: Tradition und Wandel*, Lit Verlag, Münster 2011.

Minale 2010: V.M. Minale, *Dottrina tedesca e recezione del diritto romano in Russia*, “Index. Quaderni camerti di studi romanistici International Survey of Roman Law”, 2010, 38, cc. 442-453.

Rothe 2005: H. Rothe, *The Ukraine and Europe: Two Chapters from History about Forces and Counterforces in the Formation of a Nation*, in: G. Brogi Bercoff, G. Lami (eds.), *Ukraine's Re-integration into Europe: a historical, historiographical and politically urgent issue*, Edizioni dell'Orso, Alessandria 2005, pp. 9-22.

Schlögel 2015: K. Schlögel, *Entscheidung in Kiew. Ukrainische Lektionen*, Carl Hanser Verlag, München 2015.

Abstract

Liana Goletiani
About the cultural origins of Sergej Ivanovič Zarudnyj's 'Italian' legal discourse

The paper is about Sergej Ivanovič Zarudnyj, one of the central figures of Tsar Alexander II's great reforms. Descendant of a family of Cossack starshyna from Sloboda Ukraine, Zarudnyj had a brillant career in the capital city of the Empire as an engaged reformer of the backward Russian legal system. His cultural origins, his family's history and his education at Kharkiv University deeply affected his translation work and his legal discourse, both intended to introduce and spread in the Russian Empire the products of Italian legal culture.